

Перед лицом её обвинений Гу Юэ, заливаясь слезами, воскликнула:

— Я не знаю, матушка, я совсем не в курсе того, что вы говорите, я и сама узнала обо всём только сегодня...

Ей не дали договорить, резко оборвав:

— Не смей называть меня матерью, ты этого не заслуживаешь! Никчёмная дрянь, ты думала, я продолжу тебе верить? Довольна теперь? Ты точь-в-точь как твоя подлая мамаша. Я никогда не позволю ей переступить порог нашего дома, забудьте об этом раз и навсегда!

Глядя, как она бранится, словно базарная торговка, Гу Фэн почувствовал, что остатки вины, которые он ещё питал к ней, окончательно испарились.

Женщина жалобно посмотрела на него:

— Гу Лан... мне больно...

Гу Цин, наблюдая за этим балаганом, развернулся и ушёл.

Ещё когда он впервые вернулся в этот дом, он ясно дал понять Гу Юэ: не стоит его провоцировать. В конце концов, он всё ещё оставался старшим сыном клана Гу, не знающим нужды.

Увы, людей не переучить. Почему она его не слушала?

Если бы после всего случившегося сегодня госпожа Гу смогла бы снова полюбить его всем сердцем и всё вернулось бы на круги своя, то он бы в жизни не верил в людей. И дело не в самоуверенности, просто он слишком хорошо знал натуру госпожи Гу: она была законченной эгоисткой, которая всегда любила только себя. Прежде она смотрела на него свысока лишь потому, что считала приехавшего из деревни Гу Цина позором для семьи.

Возможно, поначалу в ней и теплилось чувство вины, но Гу Юэ раз за разом задирала его, провоцировала, а в глазах окружающих он сам становился виноватым.

Последние крохи совести госпожи Гу постепенно истлели.

Ха, смешно даже подумать. Глава огромного клана Гу — неужели он должен верить, что госпожа Гу и Гу Фэн не знали о травле? Просто они предпочли закрыть на это глаза.

Воспитывать внебрачного сына как родного — наверняка для неё это было хуже смерти.

Ха-ха-ха-ха!

Гу Цин смеялся, пока из глаз не брызнули слёзы.

На его губах заиграла насмешливая улыбка. Ему даже не нужно было отдавать приказов: скоро кто-нибудь обязательно разболтает о случившемся, и не пройдет и полдня, как об этом будут судачить на каждом углу во всей столице.

От одной этой мысли становилось невероятно приятно.

Услышав шум в карете, сидевший снаружи Линь Чжу не на шутку встревожился:

— Молодой господин, с вами... всё в порядке?

Как раз когда он собрался приподнять занавеску, раздался спокойный голос Гу Цина:

— Всё хорошо. Едем в ресторан Тяньсян.

Услышав, что голос звучит обычно, Линь Чжу наконец выдохнул. Он был тайным стражем, приставленным Наследным принцем для охраны юноши. Поначалу он нервничал, боясь, что хозяин окажется капризным, но молодой господин был добр ко всем слугам. Теперь все братья из отряда тайной стражи завидовали ему и жалели, что выбрали не их. С самого начала службы он признавал только одного господина.

Гу Цин, пребывая не в лучшем расположении духа, заехал в Тяньсян перекусить, а потом долго бродил по улицам, скупая всякие безделушки. Вдруг он поднял голову и увидел вывеску: Павильон Цуйфан. Никогда о таком не слышал.

Название такое красивое, наверное, там продают нефритовые украшения. Куплю что-нибудь для Сяо Мина, он ведь не будет сердиться, что я так поздно вернулся?

Когда он направился к входу, сопровождавшие его люди смутились и преградили ему путь, наотрез отказываясь пускать внутрь.

— Молодой господин, туда правда нельзя.

— Почему это нельзя? Павильон Цуйфан, как звучит! Я просто хочу зайти посмотреть, что тут такого? Отойдите.

— Господин, туда действительно нельзя! Если Его Высочество узнает, он нас по головке не погладит.

— А мы ему не скажем, он всё равно не узнает.

Они стояли как вкопанные. Гу Цин по-настоящему рассердился:

— Что вы творите? Пропустите меня, они же скоро закроются!

Видя, что стражники не сдвинулись с места, он в гневе присел на корточки и обхватил себя руками.

Он обиделся. Как только эта мысль промелькнула у охранников, их прошиб холодный пот. Глядя на маленький комочек на земле, они переглянулись в полной растерянности. Они впервые прислуживали молодому господину и не знали, что делать... Если узнает принц... От одной этой мысли по лбу покатились градом капли пота.

Когда они увидели возвращающегося Линь Чжу, то словно узрели спасителя. Линь Чжу дольше всех был рядом с Гу Цином и лучше всех понимал его нрав. Не дожидаясь вопросов, они выпалили всё как есть. Линь Чжу бросил на них сложный взгляд, затем с досадой посмотрел на сидящего на земле юношу.

Он подошёл, протянул ему купленную сахарную фигурку и мягко спросил:

— Почему вам так важно туда попасть? Расскажите мне?

Гу Цин поднял голову на Линь Чжу и жалобно пожаловался:

— Я просто хотел купить подарок для брата Сяо Мина, а они не пускают.

Выслушав это с тяжёлым сердцем и сложным выражением лица, Линь Чжу нахмурился:

— Там совсем не приличное место! Стоит им увидеть миловидного ребёнка, как они тут же похищают его...

После долгих уговоров ему наконец удалось успокоить юношу. Затем он бережно поднял его, и они отправились на рынок покупать изящные безделушки. Лишь после того, как слуга напомнил о времени, он с неохотой сел в карету и направился обратно во дворец.

По пути он то и дело оглядывался на высокое здание, и вдруг его лицо слегка изменилось. Задумавшись о чём-то своём, он тихо прошептал:

— Как же трудно устроена жизнь!

Голос был едва слышен, и если бы Линь Чжу не стоял совсем рядом, он бы ничего не разобрал.

Линь Чжу решил, что господин сокрушается о том, что не смог посетить Павильон Цуйфан, и поспешил утешить:

— Господин, не печальтесь, это место не сулит добра.

Гу Цин промолчал, лишь с сожалением вздохнул и крепко сжал кулаки, поклявшись про себя, что, когда представится возможность выйти из дворца, он обязательно разузнает, что там внутри.

Видя его мечтательный вид, Линь Чжу всё понял. Он тяжело вздохнул, решив, что по возвращении обязательно доложит обо всём принцу — наверняка кто-то из окружения сбил юношу с толку, нужно проверить всех слуг. Глядя на эту простодушную невинность, он подумал: отныне нельзя оставлять господина ни на шаг, иначе его обведут вокруг пальца, а он и не заметит.

Когда Гу Цин отвернулся, из тени медленно вышел мужчина и беззвучно произнёс:

— Тебе не сбежать!

На следующее утро во время аудиенции Гу Фэна ожидаемо подвергли импичменту люди из Цензората:

— Ваше Величество, чиновник Гу порочит мораль: он пренебрегает законной женой ради наложницы, жестоко обращается с родным сыном и путает наследников, пытаясь подменить родного сына ребёнком от любовницы, а также потворствует тому, что внебрачный сын изгоняет законного наследника из дома.

Увидев, что слова цензоров привели императора в ярость, Гу Фэн поспешно вышел вперёд, чтобы оправдаться:

— Ваше Величество, это всё клевета! Умоляю, восстановите справедливость...

Нынешний император больше всего на свете ненавидел тех, кто унижал жену ради наложницы. Когда он сам был ещё принцем, то, будучи законным сыном, занимал самое высокое положение, но император ненавидел императрицу, а заодно и его. Императрицу едва не свергли из-за нашептываний любимой наложницы, и если бы не поддержка рода Ян, он бы никогда не взойшёл на престол.

В столице все знали, что Гу Фэн и его жена — образцовая пара, которой завидовали многие. Поэтому, как бы сильно он ни любил ту женщину, он осмеливался лишь прятать её вне дома, не решаясь привести в поместье.

Он планировал через пару лет забрать её к себе, но Гу Цин выставил всё это на всеобщее обозрение.

<http://bllate.org/book/20751/2080591>